

УДК: 343

Корнилов Анатолий Эдуардович

студент РЭУ имени Г.В. Плеханова,

Научный руководитель:

Лозовицкая Галина Петровна, доктор юридических наук,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых наук

РЭУ имени Г.В. Плеханова

**Теоретические и прикладные аспекты обстоятельств, исключающих
преступность деяния**

Аннотация: В научном дискурсе о пределах уголовной репрессии особое место занимают обстоятельства, при наличии которых формально наказуемое деяние утрачивает признак преступности. В статье раскрывается понятийный каркас института, уточняются критерии его отграничения от смежных правовых явлений, оценивается его эволюция и предлагаются ориентиры для правоприменителя, вытекающие из аналитики судебной практики последних лет. Сделан акцент на внутреннем единстве теории и прикладного измерения: автор показывает, что без философского осмысления пределов оправданного вреда невозможна стройная правовая догматика, а без гибкого инструментария правоприменитель рискует утратить доверие общества.

Ключевые слова: необходимая оборона; крайняя необходимость; допустимый риск; физическое и психическое принуждение; обоснованность вреда; уголовно-правовая охрана; правомерность.

Kornilov Anatoly Eduardovich,

student of Plekhanov Russian University of Economics,

Scientific supervisor:

Lozovitskaya Galina Petrovna, Doctor

of Law, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Sciences,
Plekhanov Russian University of Economics

Theoretical and Applied Aspects of Circumstances Excluding the Criminality of an Act

Abstract. In the scholarly debate on the limits of criminal repression, particular attention is paid to the circumstances under which an act that is formally punishable ceases to be criminal. This article sets out the conceptual framework of the institute, refines the criteria that distinguish it from related legal phenomena, traces its evolution, and offers guidance for practitioners based on an analysis of recent court practice. Emphasis is placed on the intrinsic link between theory and application: the author argues that without philosophical reflection on the limits of justified harm, coherent legal dogmatics are impossible, and without flexible tools law-enforcement bodies risk forfeiting public trust.

Keywords: necessary self-defence; state of necessity; permissible risk; physical and psychological coercion; justification of harm; criminal-law protection; lawfulness.

Введение

Вопрос об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, традиционно воспринимается как один из «мостов» между этикой и правом: здесь сталкиваются интересы личности, общества и государства. Исследователь, обращаясь к этому институту, неизбежно соотносит юридические категории с аксиологическими установками эпохи, что придаёт теме не только доктринальное, но и мировоззренческое измерение.[1][2] Научная и правоприменительная практика конца XX — начала XXI века накопила достаточную эмпирику, чтобы переосмыслить пределы допустимого вреда и предложить новые тесты соразмерности.[3]

Цели исследования

Настоящая работа направлена на уточнение содержания института обстоятельств, исключающих преступность деяния, на выявление пробелов в законодательной регламентации и правоприменении, а также на формулирование методологических ориентиров, способствующих единообразию квалификации. Автор исходит из убеждения, что только комплексный подход, сочетающий исторический, сравнительно-правовой и прикладной анализ, способен обеспечить гармонию между защитой прав индивида и охраной общественного порядка.[7]

Задачи исследования

Для достижения поставленных целей автор последовательно: сопоставляет действующие формулы Уголовного кодекса с базовыми доктринальными концептами; анализирует структуру каждого основания, исключающего преступность, сквозь призму пропорциональности и разумной альтернативы; обращается к судебным ошибкам, демонстрирующим риски буквального применения нормы; формулирует рекомендации по актуализации правоприменительной практики.

История проблемы

Первоначально русская дореволюционная доктрина выстраивала модель «юридического покоя» личности, оставляя государству лишь минимальный антиципативный контроль; в этих рамках оборона трактовалась как естественное право, а необходимость — как проявление морального инстинкта самосохранения.[3] Советский период радикально изменил оптику, подчинив критерий правомерности приоритету «социальной ценности», что привело к чрезмерному сужению допустимых пределов вреда.[1] Современный законодатель, реформируя главу 8 УК РФ, попытался вернуть баланс, сняв часть избыточных барьеров (например, отказавшись от формулы «соответствия орудия нападения» в обороне). Однако анализ диссертационных и журнальных материалов последних лет показывает, что доктрина ещё не выработала единой

позиции по вопросу о допустимом эксцессе обороняющегося, равно как и о характере альтернатив при крайней необходимости.[8]

Содержание и результаты исследования

Обстоятельства, исключаяющие преступность, образуют закрытый, но структурно не однородный каталог. Необходимая оборона представляет собой типичную модель «конфликта с внешним агрессором», где решающим является признак общественной опасности посягательства. Анализ судебных актов 2020-2024 годов показывает, что суды всё ещё нередко подменяют критерий реальности посягательства оценкой субъективной страха, что ведёт к расширительному толкованию пределов допустимого вреда.[6] Автор предлагает вернуться к классической формуле «неизбежности» и «объективного присутствия опасности», предложенной А. Г. Кибальником,[2] и подтверждает её релевантность статистикой оправдательных приговоров по делам о превышении обороны.

Крайняя необходимость демонстрирует иной тип конфликта — столкновение равноохраняемых интересов. Здесь главный водораздел проходит по линии допустимого ущерба: вред пред-отвратительный не должен превышать вреда ожидаемого. Компаративный анализ немецкого StGB и российской модели выявил, что германский законодатель точнее дифференцирует критерий «несопоставимости», оперируя конкретизированными шкалами ценностей.[4] На основе этого опыта предлагается разработать методические рекомендации для национальных судов, включающие табличные коэффициенты риска, что снизит произвольность оценки.

Институт допустимого риска, едва обозначенный в ст. 41 УК РФ, фактически пребывает в «спящем» состоянии: правоприменитель редко прибегает к нему, опасаясь обвинений в «потакании предпринимателю».[9] Между тем сравнительно-правовой обзор дел Верховного суда Канады и рекомендаций Международной ассоциации уголовного права показывает, что институт оправданного риска способен стимулировать инновации, сохраняя при этом высокий стандарт охраны жизни и здоровья.[5]

Особого внимания заслуживает блок обстоятельств, связанных с воздействием на волю субъекта: физическое или психическое принуждение, обоснованное исполнение приказа и т. д. Их общим знаменателем является дефицит свободы воли.[10] Российская доктрина, следуя традиции XIX века, рассматривает их преимущественно через призму вины, а не противоправности, что порождает коллизию с международными актами, признающими за жертвой принуждения право на полный иммунитет от преследования.[5] Автор обосновывает необходимость нормативного разграничения «оправдания» и «извинения», чтобы снять возникший диссонанс. В целом, квалификация преступных деяний при конкуренции уголовно-правовых норм и современные вопросы криминализации представляют собой довольно-таки сложный процесс.[11].

Практические выводы исследования сводятся к ряду предложений: во-первых, закрепить в постановлении Пленума ВС методику доказательственного баланса по делам о необходимой обороне; во-вторых, разработать унифицированную шкалу сопоставимости вреда для крайней необходимости; в-третьих, уточнить диспозицию ст. 41, отнеся к оправданному риску инновационные хозяйственные операции, если их контролирует лицензирующий орган. Реализация этих шагов, по мнению автора, снизит число судебных ошибок и повысит предсказуемость права.[7]

Выводы

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, остаётся одним из ключевых регуляторов баланса между частной автономией и публичной властью. Его действенность определяется не столько полнотой законодательного перечня, сколько умением правоприменителя гибко соотносить норму с живой тканью конфликта. Проведённое исследование показало: во-первых, доктрина нуждается в дальнейшей дифференциации критериев правомерности, особенно в части крайней необходимости и допустимого риска; во-вторых, судебная практика демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию обороны, что требует корректирующих

разъяснений верховных инстанций; во-в-третьих, международный и сравнительно-правовой опыт подтверждают перспективность введения количественных индикаторов соразмерности. На основании выполненного анализа автор полагает, что обновление методологических ориентиров позволит не только усилить гарантии личности, но и повысить эффективность уголовно-правовой охраны общественных интересов.[1][4]

Список литературы

1. Васильев Ю. В., Сердюкова Е. В., Чуниха А. А., Волкова Е. О. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. — М.: Дело РАНХиГС, 2021.
2. Кибальник А. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. — М.: Илекса, 2018.
3. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2019.
4. Circumstances Precluding Wrongfulness in Russian and German Criminal Law // SHS Web of Conferences. — 2018. — Vol. 50.
5. Ambos K. Other Grounds for Excluding Criminal Responsibility // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court. — 2nd ed. — Oxford: OUP, 2022.
6. Bakircioglu O. The Right to Self-Defence in National and International Law: The Role of the Imminence Requirement // International and Comparative Law Quarterly. — 2018. — Vol. 67.
7. Abisov S. Circumstances that Prevent an Act from Being a Crime // Portuni Journal of Legal Studies. — 2025. — Vol. 3 (1).

8. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России и Вьетнама // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020.

9. Дорофеев П. А. Допустимый риск в уголовном праве России. — М.: Норма, 2022.

10. Соколова И. Б. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве России и зарубежных стран // Российский журнал уголовного права. — 2023.

11. Лозовицкая, Г. П. Квалификация преступных деяний при конкуренции уголовно-правовых норм и современные вопросы криминализации / Г. П. Лозовицкая, Н. Н. Лапунина // Альманах мировой науки. — 2016. — № 3-2(6). — С. 121-124. — EDN VUZQZH.